

**Я –
твое
солнце**

Мари
Павленко

**Я –
твое
солнце**

Если бы не было ни одного любящего
существа, погасло бы само солнце.

*Виктор Гюго. Отверженные**

* Здесь и далее цитаты из романа Виктора Гюго «Отверженные» приводятся в переводе А. Виноградова.

*Посвящаю своим родителям и сестре, которая
придумала выражение «учинить трущобы»*

Белый конверт. Красная марка.
Совершенно безобидное письмо, если не обра-
щать внимания на нервный убористый почерк, ко-
торый мне так хорошо знаком.

Почерк Виктора.

Я положила конверт на кровать, не осмеливаясь
к нему прикоснуться и уж тем более — вскрыть. По-
ка что там, внутри, сосредоточена бесконечность:
отказ, одиночество, тоска, грусть, насмешка, пото-
ки слёз, надежда, будущее, раскаты звонкого смеха,
поющие птицы, прекрасная жизнь.

Всё возможно, пока я делаю вид, что конверта
тут нет.

Я встала, подняла с пола трусы и поставила те-
лефон на зарядку, хотя батарея и так показывала
девяносто восемь процентов. Взглянула на Изидо-
ра, изливающего слюни на паркет. Отодвинув на
пару сантиметров лампу у кровати, бросила наугад
трусы: Изидор приподнял ухо, когда они призем-
лились на пол.

Вдох.

Письмо в руках.

Я хочу знать.

Глава первая

Дебора должна хорошо подготовиться к первому сентября

Неприятный шум сверлит мне мозг: что-то вроде крика разъярённого пылесоса, когда в трубу попадает забытый под кроватью носок и вся машина истошно визжит. Стараясь не обращать внимания, я сосредоточилась на божественной атмосфере. Я вам уже рассказывала о *бо-женственной* атмосфере? Так вот: я лежу на пляже, на белом песке под кокосовой пальмой, её резные листья покачиваются от лёгкого бриза. Небо сияет, как и моя улыбка. Не хочу хвастаться — это вообще не в моих привычках, — но я просто неотразима в розовом бикини, идеально облегающем мои формы. Попивая коктейль вроде тех, что подаются в бокалах с сахарной кромкой и разноцветными зонтиками, я слушаю, как загорелый парень играет на гитаре: у него медовый голос, и он буквально пожирает меня глазами. Даже слюни пустил. Майкл? Антуан? Дени? Никак не вспомню его имя, но одно точно: он меня хочет.

Я уже привыкла.

Они все меня хотят.

Потревоженный клапан пылесоса издал вопль оперной певицы: этого пронзительного звука хватило, чтобы прогнать видение. Мне бы очень хотелось побыть там ещё немного, но пейзаж исчез: песок растворился, загорелый парень и его гитара рассеялись как дым. Бикини испарилось.

Приоткрыв один глаз, я понимаю, что лежу в собственной кровати — той самой, что родители пода-рили мне на пять лет. Пошупав ягодицы, я осознаю, что идеальные формы исчезли вместе с парнем, а на их месте царит вот уже несколько поколений, не отдавая ни сантиметра своей территории, господин Целлюлит. Он не оставлял в покое ни маму, ни бабушку, ни прабабушку: глянув на семейные фотографии, можно подумать, будто целлюлит у нас в крови.

Вытянув руку, я выключила будильник: этот гад вытащил меня из самого... самого... (блин, даже слов подобрать не могу) сна.

«Они все меня хотят».

Ну конечно.

Я бы заметила.

Представив, как запах изо рта врывается в мои ноздри со вздохом сожаления, я решила вздохнуть мысленно и заключить пари. Принцип простой: если через несколько секунд я включу радио и там заиграет песня... ну, скажем, группы «Намбер 30», ну да, «Намбер 30», любая песня, не будем усложнять, пари должно быть реальным, — то я проведу великолепный год в выпускном классе. Внимание, барабанная дробь, «Намбер 30», «Намбер 30», «Намбер 30», «Намбер 30»...

«...тем самым КЭЖ-40 потерял вчера три десятых пункта. Перед тем как предоставить слово Йоханну, я напоминаю, что в Великобритании сошёл с рельс поезд. В ужасной катастрофе погибли уже тысяча пятьсот сорок шесть человек, однако власти...»

Выключить.

Выключить, выключить, выключить!

Выпила целый литр воды — говорят, это улучшает цвет кожи. Вчера я старательно приготовила одежду: свитер, юбка, балетки, но, похоже, вселенная решила всё за меня.

Идёт дождь.

Париж посерел.

Перед уходом я заглянула на кухню, бросив короткое «Привет!» маме, свесившей голову над чашкой кофе. Мама такая растрёпанная, что кажется, она это нарочно. Её веки припухли от сна.

— Привет! Удачи сегодня!

— Пока-пока!

Бегом, надо вдохнуть свежего воздуха.

Не знаю, что происходит, но наша квартира — само воплощение жути. Мама и так никогда не была разговорчивой, однако в последнее время она просто слоняется из угла в угол, как застрявший между мирами призрак, пока отец просиживает дни и ночи на работе. Невыносимо.

Перед тем как хлопнуть дверью, я взглянула на своё отражение в старинном зеркале в прихожей. На зеркало был приклеен листок с номером телефона, написанным красным фломастером.

Пора валить.

Стоя под красивым зонтиком цвета фуксии, нацепив медвежьи ушки, Элоиза ждала меня у Питомника. Никто не знает, откуда взялось это название, Питомник, однако все понимают почему: в нашем лицее классы битком набиты учениками, можно подумать, тут поставлено на поток разведе-

ние кроликов. Кажется, это называется животно-водством.

Целое дело.

Короче, Элоиза стояла у Питомника.

*** Кто такая Элоиза? ***

Моя лучшая подруга, сестра, о которой я всегда мечтала, гений. Конечно, мадам Сулье, наш учитель естествознания, не разделяет моего мнения. Однажды она написала в её дневнике «Элоиза — худшая ученица за всю мою карьеру преподавателя естествознания. У неё пустая банка вместо головы. Над такими, как она, надо опыты проводить». Но мне плевать и даже нравится, что у неё не все дома.

* * *

Накинув капюшон, чтобы не вымокнуть под проливным дождём, я благополучно прошмыгнула между лужами и вздохнула с облегчением. Элоиза улыбнулась, метнув сноп искр из-под килограмма туши для ресниц. По её выражению лица догадываюсь: победа, мы в одном классе.

— Мы не в одном классе! — выдала Элоиза, когда я поравнялась с ней.

— Уверена?

— Я в «Б», а ты в «Г».

— То есть ты так светишься от разочарования?

— Нет, конечно, но ты не поверишь: со мной в одном классе Эрванн.

— Эр ван? Это что, новая марка дезодоранта?

— Эрванн, брат Грега, ну знаешь, красавчика, который поступил в Сорбонну на философский!